

Коммерсант & daily
- 1997. - 26 июля, - с. 9

Матвей Блантер спал на рояле и боялся крыс

Семья Блантеров известна благодаря композитору Матвею Блантеру. Его песни в советское время пели на каждом углу. Но мало кто знает, что он был из знаменитого рода Вовси. И Вовси, и Блантеры — коренные москвичи. ИННА КРАСИЛЬЩИКОВА, племянница Матвея Блантера, единственный потомок этой семьи, рассказывает, как жили Блантеры в 20-е годы.

Семья Блантеров соединилась со знаменитым родом Вовси еще до революции. Татьяна Евгеньевна Вовси, моя бабушка и мать Матвея, была актрисой, образованной женщиной. Знаменитый актер и режиссер Михоэлс — ее двоюродный брат. А мой дед по материнской линии Исаак Борисович Блантер был купцом, торговал пшеницей. Дедушка сразу после революции купил квартиру на Никитском бульваре в большом красном доме, который принадлежал промышленнику Абрикосову. Это был роскошный дом — там была мраморная лестница с ковровой дорожкой. Даже лифт в доме был красного дерева...

Квартира была большая — восемь комнат. И каждая комната была сделана в своем стиле — и дубовая комната была, и из черного дерева, и «сафьяновый кабинет». В 1920 году квартиру, конечно, отобрали и оставили семье только одну комнату. Бабушка хотела всю мебель перевезти в эту комнату, но дедушка сказал: «Ты что, будешь задыхаться от мебели?» Так все и досталось соседям. Они въехали прямо в готовые комнаты.

В то время в квартире жили Матвей Исаакович Блантер, его брат Евгений и их мать (дедушка умер в 24-м). Моя мать Галина Исааковна, сестра Матвея, переехала в другую коммуналку — в доме на

Арбатской площади, на улице Фрунзе. Я там и родилась. Какая замечательная улица была! Это настоящая старая Москва — с яблоневыми садами, закрытыми двориками. Летними вечерами окрестные жители собирались вместе во дворе, играли в шашки, пели песни. У нас был замечательный дворник Абдул, и когда детей выпускали во двор, матери никогда не беспокоились — он следил за нами зорко. Когда Матвей Исаакович развелся со своей первой женой, он оставил ее вместе с сыном (который, кстати, был у него единственный и погиб в войну) на Никитском, а сам переехал к нам. Мы стелили ему прямо на рояле, и он там спал. Больше места не было. А рояль был огромный, концертный, занимал полкомнаты.

Кстати, мама рассказывала, что когда на Арбатской площади в 1928 году начали строить метро, там расчищали многочисленные свалки. И обнаружилось, что под этими залежами мусора роилось огромное количество крыс. Однажды дядя Мотя в панике звонит маме на работу — а она работала в гособществе-единении музыки, эстрады и кино — и кричит: «Здесь крысы! Везде! Даже в шкафу!» Мама прибегает с работы, а дядя Мотя стоит на стуле и не может двинуться от страха. А крысы действительно кишат: по несколько штук на каждой полке секретера, ходят по полу, по столу. Так было во всех квартирах. Это была просто катастрофа. Потом вызвали пожарников, и они выносили мебель из комнаты и поливали крыс из шлангов сильной струей воды.

Именно в 20-е годы Матвей Блантер стал модным композитором. После смерти отца дядя Мотя содержал семью. Он написал «Джона Грея», и песня сразу стала знаменитой. Он стал писать попу-

Матвей Блантер (сидит) с братом Евгением. 1922 год

лярные фокстроты, танго. Временами зарабатывал много денег. Поэтому семья не бедствовала.

Он рассказывал мне, что это вообще были замечательные годы. Особенно годы НЭПа. В магазинах было абсолютно все. Постепенно открылись разные частные мастерские, кафе, ресторанчики. Сапожники стали шить туфли. Кстати, русские туфли в двадцатые годы считались самыми лучшими в мире. На парижских выставках они занимали первые места. Я помню, что моя мама, а она очень хорошо одевалась, заказывала се-

НАТАЛИЯ МЕДВЕДЕВА

В доме фабриканта Абрикосова семья Блантеров когда-то купила восьмикомнатную квартиру. Но жить им пришлось лишь в одной комнате

бе обувь только в Столешниковом переулке, где находились сапожные мастерские. Туфли были настоящим произведением искусства. Как говорят, из них можно было пить шампанское.

Одевалась моя мама у знаменитых портных: Ушаковой, Данилиной, которая шила только пальто, Ламановой, Блажевич. Тогда же отношение к шитым вещам было другое, это была самая дорогая одежда. Мама могла позволить себе в сезон только одно платье. Зато одета

она была прекрасно. Это же был не ширпотреб. Если такая дама приходила, например, в театр, встретить там такое же платье было совершенно невозможно.

Мама рассказывала мне, что она познакомилась с Ламановой, известной портнихой, очень смешно. Когда ей было 12 лет, а это было в голод и разруху, ей сшили платье из простыней. Она стояла в нем и плакала, и тут заходит Ламанова и спрашивает: «Почему ты плачешь?» А мама говорит: «Не хочу платье из простыни». Ламанова ее успокоила и тут же перешила ей это платье. И сделала это платье из простыни просто роскошным.

Дядя Мотя в 20-е учился в реальном училище, а потом в училище при филармонии. Но когда написал «Джона Грея», учиться бросил. Конечно, когда ему ничего не заказывали, жить становилось тяжело. Он рассказывал, что когда женился, у них с его первой женой совершенно не было денег. И вдруг на следующий день после свадьбы — подарок судьбы. Кто-то пришел утром, разбудил его и сказал, что Мейерхольд просит написать музыку к пьесе.

К Блантерам в гости приходило огромное количество людей, друзей. Эйзенштейн, Рина Зеленая, мейерхольдовские актеры, Виктор Ардов. Он, кстати, был первым другом Матвея Исааковича. А про Рину Зеленую бабушка говорила, что это самая порядочная женщина на свете. Бабушка очень хотела, чтобы Матвей Исаакович женился на ней.

Все собирались друг у друга, сидели в своих коммуналах. Никто не сидел дома. Много гуляли, ходили в театры, рестораны. В общем, шумно было. У бабушки Блантера тоже были знаменитые друзья. Например, он очень дружил с известным актером Борисом Борисовым, который

сочинял песенки на стихи Беранже. Их распевали все.

Дядя Мотя рассказывал, что Блантеры любили ходить в рестораны. Самым популярным среди писателей и актеров был дом писателя на Никитском бульваре. Матвей Исаакович часто посещал его, а про его брата Евгения говорят, что он там родился, потому что он вообще не вылезал оттуда. Был также популярен ресторан, который позднее стал называться ЦДРИ и в 30-е переехал на Пущечную улицу. Он располагался сначала в Старопименовском переулке на Тверской улице. В большом доме, где жили многие актеры — знаменитые московские конферансье Алексеев, Гаркави, Менделевич. Там бывали Маяковский, Есенин.

Все эти люди были большими друзьями и очень помогали друг другу. Дядя Мотя рассказывал мне, что однажды в Питере он встретил совершенно расстроенного Маяковского: у него должен был состояться концерт, а в городе не было ни одной афиши. Маяковский нервничал. Матвей Исаакович целый день таскался с ним по улицам, успокаивал его.

Кстати, Маяковский написал стихотворение на смерть Есенина со слов Матвея Исааковича. Он сам на похоронах не был, и дядя Мотя рассказывал ему, что Собinov пел там арию Лоэнгринга. Он сам был там с Эльзой Триоле. Тогда за похоронам отношение было как к настоящему горю, петь было не принято. И им показалось это неуместным.

Дядя Мотя и мама всегда с теплотой вспоминали 20-е годы. Это было время расцвета культуры, гонения еще не начались, еще не было чувства страха. Но к сожалению, кончилось все это в одно мгновение...

Записала ИРИНА ШКАРНИКОВА